Глава 8
ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ: ИЗУЧЕНИЕ И КОНТЕКСТ

Погребение(?) медведя в кургане № 1 (19)/2018

Обнаруженные в кургане № 1 (19)/2018 костные остатки принадлежат одной взрослой особи бурого медведя *Ursus arctos*. Всего сохранилось не более 13 % от общего числа костей в скелете (рис. 82: *1*, *2*).

Порезов на костях не обнаружено. Результаты анализа представлены в табл. 5.

Таблица 5

Анализ костных останков бурого медведя *Ursus arctos*

Кости	Шт.	Примечание
Череп (Cranium)	1	
Нижняя челюсть (Mandibula)	2	правая и левая ветви
Позвонок шейный (Vertebrae cervical)	2	
Позвонок грудной (Vertebrae thoracic)	1	
Позвонок поясничный (Vertebrae lumbar)	1	
Лопатка (Scapula)	1	левая
Локтевая (Ulna)	1	правая
Лучевая (Radius)	1	правая
Тазовая (Ilium)	1	
Бедренная (Femur)	1	левая
Коленная чашечка (Patella)	1	
Большая берцовая (Tibia)	1	правая
Запястье (Carpalia)	1	
Метаподия (MC/MT)	3	
Фаланга I (Phalanx I)	2	
Фаланга II (Phalanx II)	4	
Всего определимых	25	

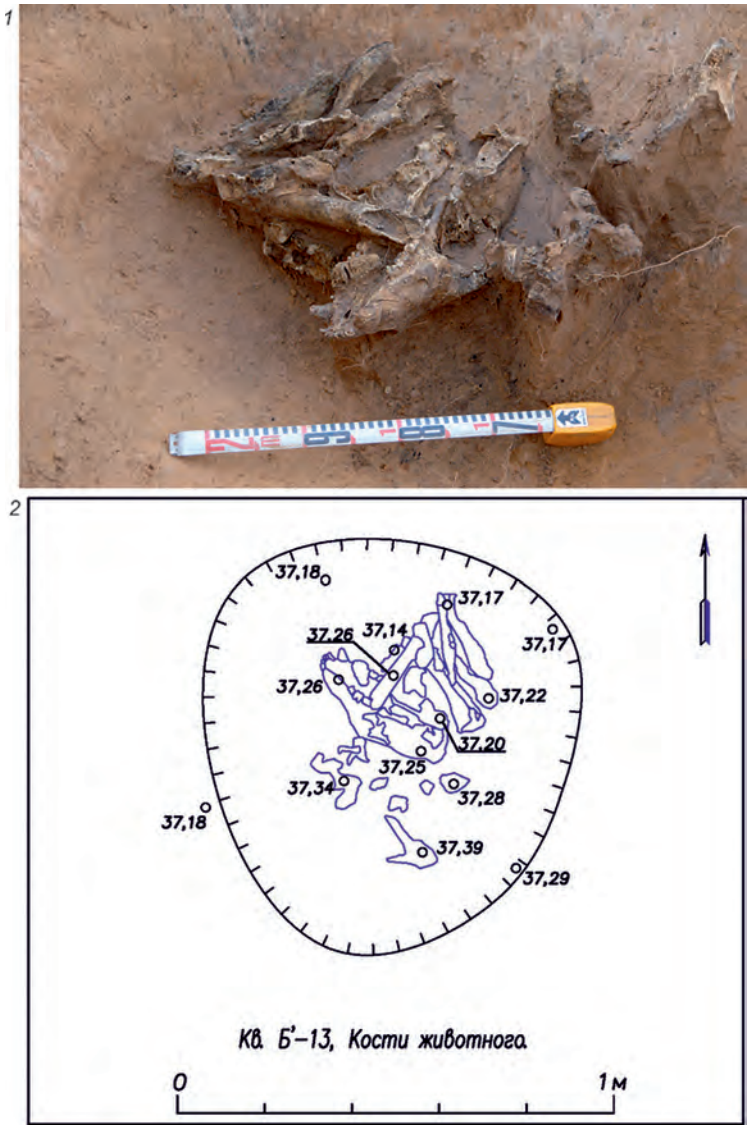

Рис. 82. Курганная насыпь № 1/2018:
1 — кости бурого медведя *in situ* (вид с севера);
2 — захоронение бурого медведя. План

Из приведенной таблицы следует принципиально важный вывод, касающийся всей структуры открытого комплекса: поскольку были найдены компактно залегающие кости, относившиеся к разным отделам скелета, следовательно, первоначально было произведено захоронение целой туши животного. Впоследствии части уже разложившейся туши были перезахоронены, в процессе чего было разрушено погребение человека в подкурганной могильной

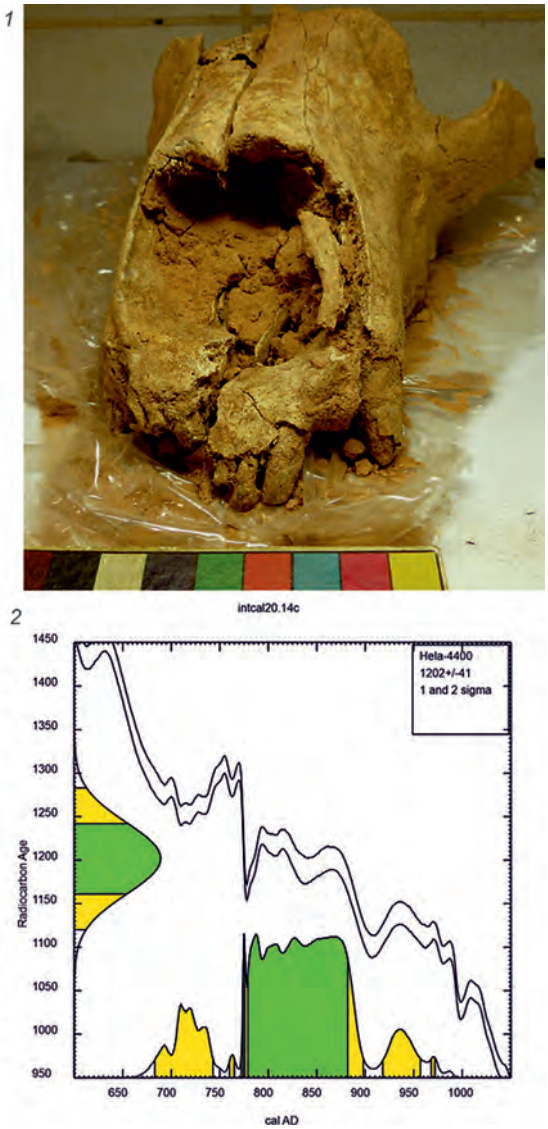

Рис. 83. Курганная насыпь № 1/2018:
1 — кости бурого медведя в процессе расчистки в лаборатории;
2 — результаты радиоуглеродного датирования по костям бурого медведя

яме. Возникает определяющий вопрос о времени этого события. Ответ на него дает результат радиоуглеродного датирования, проведенный в лаборатории Университета Хельсинки (Финляндия), по кости черепа животного: дата **AMS** ^{14}C: 1202 ± 41 ^{14}C л. н. (Hela-4400). Календарный возраст образца (2 σ) с вероятностью 95,4 % определен в интервале 685–900 кал. лет н. э., медианный возраст образца — 820 кал. лет н. э. (рис. 83: *2*).

Таким образом, обнаруженное в кургане № 1 (19)/2018 могильника «Бесовы Харчевни» погребение, точнее остатки перезахороненного медведя (вид *Ursus arctos*), является древним объектом, что подтверждают результаты радиоуглеродного датирования и общая сохранность костного материала, схожая с сохранностью костей человека в данном комплексе (рис. 83: *1, 2*). Обнаружение в пределах погребальной площадки кургана, в ее центральной части, может свидетельствовать о его ритуальном характере.

Радиоуглеродная датировка указывает на IX в. как время захоронения животного. Этот факт еще более осложняет интерпретацию комплекса, поскольку говорит о том, что погребение медведя произошло существенно ранее погребения человека в подкурганной могильной яме. Захоронения по обряду ингумации появляются в Приладожье не ранее середины X в. (Яблоник, Богуславский 1989: 44). Но следует отметить, что это слишком удревненные датировки, которые уже вызывали обоснованные сомнения (Лесман 1996: 54).

Открытый объект можно было бы отнести к числу археологических загадок или курьезов, если бы следы «медвежьего» культа не встречались часто в археологических и этнографических материалах по всей лесной зоне Европы и Сибири. Регион Южного Приладожья не является исключением. Археологические источники, подтверждающие почитание медведя в самых разных его проявлениях зафиксированы на огромных территориях, у разных народов, начиная с каменного века. К ним относятся как изображения животного в разных формах, так и использование частей туши или костей в качестве украшения или в ритуальных целях. В последнем случае не всегда есть возможность подобной интерпретации на основе исключительно археологических источников. Соответственно, огромна и посвященная им литература.

В близлежащих регионах особенно примечательные материалы, свидетельствующие о развитости этого культа, обнаружены в древностях Верхнего и Среднего Поволжья (общие обзоры см.: Дубов 1995: 21–25; Данилов 2016: 38–53). Прекрасно известны находки, связанные с медвежьим культом, в частности костей животного, в погребениях железного века во всей Фенноскандии (из недавних работ см.: Kirkinen 2017: 1–27; Strehlau 2018: 34, 65).

В контексте находок из Юго-Восточного Приладожья следует отметить, что медвежьи фаланги были обнаружены в комплексах кремаций X в., открытых Н. Е. Бранденбургом в 1870-е годы: Костино XCV, Вахрушево CXVI (Бранденбург 1895: 122, 129). К анализу таких находок исследователи обращались многократно (из работ последнего времени см.: Седых 2018: 92–107; см. также: Кураев 2000: 157–164). Но следует подчеркнуть, что всегда речь шла либо о частях скелета животного (лап), либо об их глиняных имитациях[26].

[26] Сюжет с «глиняными лапами» в захоронениях довольно подробно разобран в историографии. Следует лишь отметить, что значительную их часть исследователи определяют как имитацию лап бобра, а не медведя. В Юго-Восточном Приладожье подобные находки неизвестны.

В случае же с находкой в могильнике «Бесовы Харчевни» речь идет о захоронении в железном веке целой туши животного, а потом перезахоронении части костей, особенно целого черепа. Отдельное погребение целой несожженной туши животного здесь было встречено впервые. Это уникальный случай, поэтому крайне затруднительно подыскать возможные аналогии. Тем не менее не исключено, что к их числу относится упоминание В. А. Городцова о находке «груды костей медведя» в погребении № 150 Подболотьевского могильника. Исследователь так описывает эту находку: «Погребеніе 150, трупосожженіе. На глубинѣ 1 арш. лежали жженыя кости; на поверхности ихъ найдены: нѣсколько кѳстяныхъ привѣсокъ, два копья и груда костей большого медвѣдя, а также и одна желѣзная очковидная привѣска» (Городцов 1914: 79). Подболотьевский могильник — один из самых известных и изученных памятников *муромы*, где на площади 4654 кв. м исследовано 486 погребений. Он был обнаружен при строительстве дороги из г. Мурома в с. Меленки в 1910 г. (Зеленцова, Милованов 2021: 12).

Захоронения целых туш медведей чрезвычайно редки в Восточной Европе, но хорошо известны в Северной. В районах, расположенных вдоль побережья Северной Норвегии, обнаружено около 40 медвежьих могил (Jennbert 2003: 142). Они встречаются во внутренних районах Северной Швеции, в так называемых саамских медвежьих кладбищах (шв. *björngravar*) (Lindholm, Ljungkvist 2015: 11). Археологические находки из этих кладбищ свидетельствуют о существовании «медвежьего» погребального ритуала уже в римском железном веке. Исторические источники подтверждают, что медвежьи захоронения происходили еще в XIX в.

Во всех раскопанных медвежьих могилах кости, кроме черепа и лопаток, имели следы разделки, которая выполнялась с целью получения костного мозга. Тем не менее важной частью ритуала было помещение всех костей обратно в могилу. Кости располагались в определенном порядке, начиная с черепа, который нужно было оставить нетронутым (Zachrisson, Iregren 1974: 83).

Таким образом, не углубляясь в многочисленные этнографические исследования «медвежьих культов», следует отметить, что археологические источники по этой проблематике пока немногочисленны, но поступательно пополняются. Публикуемая находка хотя и имеет уникальный для Приладожья характер, но может быть поставлена в общий ряд с другими сходными. Это задает очевидное интригующее направление будущих исследований.

«Погребение» коня в кургане № 4/2022. Изучение и контекст

В 2022 г. при расчистке материковой площадки кургана № 4/2022 был открыт крайне необычный объект. В центре погребальной площадки, на глубине 0,2 м от современной поверхности, было выявлено крупное пятно плотного красно-желтого, слабо гумусированного песка. Оно имело довольно крупные размеры: 4,8 м в меридиональном направлении и 4 м в широтном. В его центре,

с некоторым смещением к северу, прослеживалась поверхность второго, менее крупного пятна заполнения ямы четырехугольных очертаний размерами 1,9 м в меридиональном направлении и 2 м в широтном. В нем с данного уровня были заметны включения угля (рис. 70, 71).

При расчистке определено, что края крупной ямы были, вероятно, укреплены дерном, сохранившимся в виде линз подзола и гумусированного песка. В целом она была неглубокой — до 0,4 м. Однако в ее центре было обнаружено захоронение коня, помещенное в отдельную более глубокую яму, глубиной до 0,9 м. Погребение было помещено в сооружение из досок в виде своеобразного «ящика» с крышкой. Сооружение сохранилось в виде обугленных плах, расчищенных поверх костей животного или вокруг них. Каких-либо вещей в заполнении обеих ям обнаружено не было.

Туша коня была уложена на правый бок (рис. 84: *1*, *2*).

Осевой скелет и череп животного сохранились целиком. При этом бóльшая часть костей конечностей, как и дистальные части ребер, в раскопе не обнаружена. Весьма вероятно, что они были изъяты еще до захоронения туши. Сохранность остеологического материала очень плохая — четвертая стадия разрушения (Behrensmeyer 1978: 150–162).

Костные остатки принадлежат жеребцу возрастом 8 лет от роду, вероятный рост которого в холке, исходя из длины плечевой кости, был около 130 см. Это животное относится к группе малорослых коней по В. О. Витту (1952: 172, 173, табл. 1). При этом средний рост в холке у средневековых пород лошадей составлял около 141 см (Спасская, Саблин, Михайлов 2011: табл. 4).

Возраст коня определен по степени стертости резцов I1 и I3 верхней челюсти. Пол, жеребец, установлен по наличию клыков. Вероятную породу животного ввиду плохой сохранности костного материала определить не удалось.

На верхнечелюстных премолярах P2 обнаружены следы стертости, появившиеся после использования железных удил. Это наблюдение прямо свидетельствует, что погребен был именно верховой конь.

Захоронения коней известны в погребальных комплексах Юго-Восточного Приладожья. Однако в подавляющем большинстве случаев это были кремации (Городище, курган CXXIV; Овино 3 (Заручевье); Галично I, курганы № 1 и 2, Галично II, курганы № 1 и 3; Большой двор, курган № 1; Сязнега 12, курган LX; Вахрушево, курган CXVI; Залющик 4, курган № 1; Горка (на р. Оять), курган № 2) или находки отдельных разрозненных костей, зубов и даже черепа (Чемихино, курган № 4; Сязнега 2, курган № 2; Подъелье, курган CIII; Куашойла, курган № 1; Шангиничи-село, курган № 9) (Колмогоров 1914: 414–415; Кочкуркина, Линевский 1985: 18, 71; Кочкуркина 1989: 24, 32, 58–61, 66, 123, 148, 171, 179, 199, 228).

Захоронения несожженных туш животных были зафиксированы только в трех случаях и лишь в курганах, расположенных по берегам р. Оять. В могильнике Карлуха 1, в кургане № 17 (раскопки В. И. Равдоникаса) в восточной

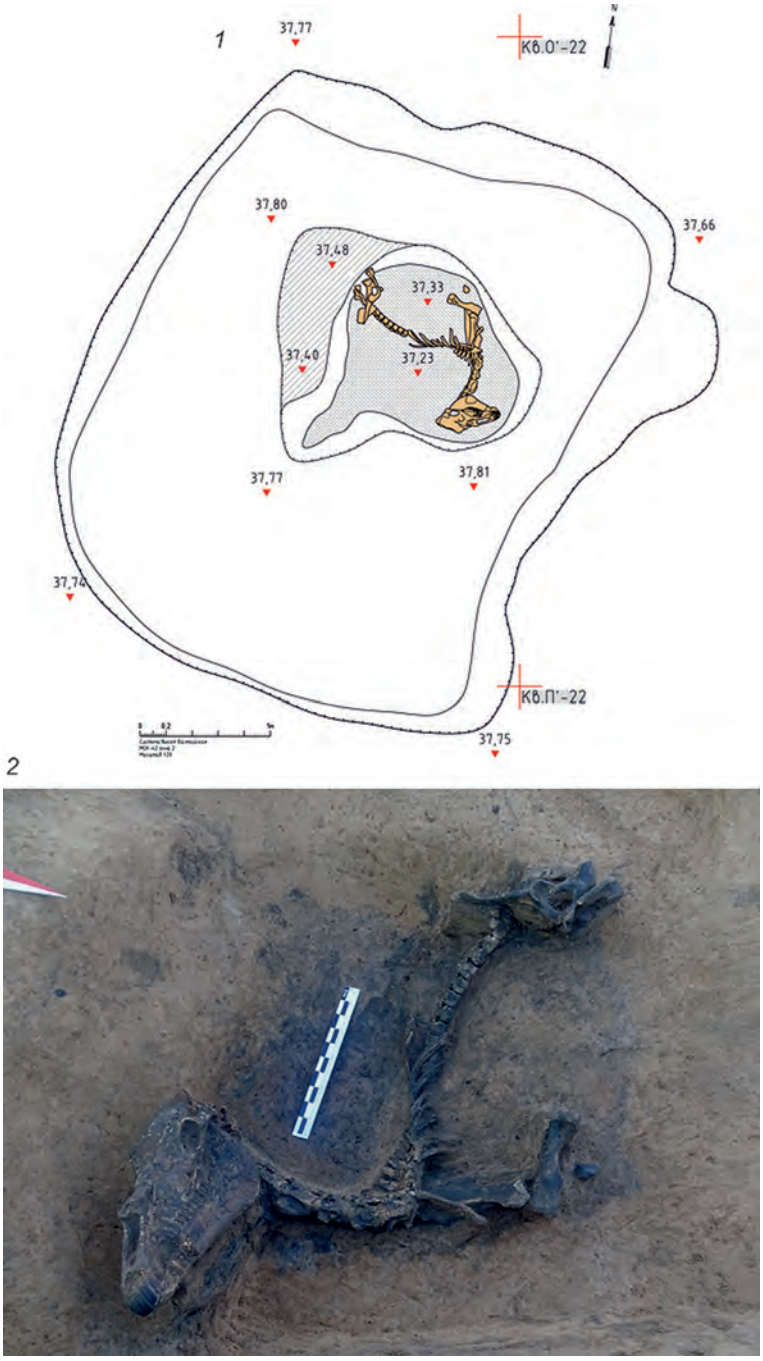

Рис. 84. Раскоп 1/2022. Курган № 4/2022:
1 — захоронение коня. План; *2* — захоронение коня на третьем этапе расчистки (вид сверху с северо-востока)

половине кургана на нуле расчищен скелет лошади, лежавшей на левом боку, ориентированный на юго-запад. На нем обнаружены сильно коррозионные железные бляшки и скрепы от сбруи, немного лучше сохранились узда и удила (Равдоникас 1934: 34, рис. 39, 40; Кочкуркина, Линевский 1985: 25). Судя по фотографии этого захоронения, оно очень похоже на обнаруженное в могильнике «Бесовы Харчевни», за исключением левого бока, на который была помещена туша животного, а также присутствия целых конечностей (Равдоникас 1934: рис. 40). В могильнике Шангиничи-лес, в кургане № 5 (раскопки А. М. Линевского), в западном секторе на нуле в направлении «север–юг» располагался скелет лошади, у которого передние конечности ниже колен отсутствовали (длина туловища — 180 см) (Кочкуркина, Линевский 1985: 41). В могильнике Яровщина 2, в кургане № 1 (раскопки В. И. Равдоникаса), в юго-западной части насыпи был скелет жеребенка, в южной — несожженные человеческие кости (Кочкуркина, Линевский 1985: 101).

Таким образом, ни в одном известном случае при анализе погребений в курганных могильниках Юго-Восточного Приладожья исследователи не описывали конское захоронение, совершенное в подкурганной яме, сделанной в материке. В таком контексте захоронение, открытое в кургане № 4/2022 в могильнике «Бесовы Харчевни», выпадает из общего ряда. Его особенности требуют поиска более широких аналогий.

Очевидно, что такие черты, как значительные размеры основной ямы, сделанной в материковой площадке под курганной насыпью, а также захоронение целого животного в деревянном «ящике», на правом боку, с подогнутыми ногами, указывают на аналогии среди так называемых камерных погребений, широко распространенных в крупных могильниках, преимущественно X в. на территории Северной и Восточной Европы.

Проблематика «камерных» захоронений в историографии не нова и в настоящее время хорошо разработана (Михайлов 2016: 15–40; см. там же историографию). Однако в рассматриваемом случае отнесение открытого объекта к данному культурному феномену основывается только на двух признаках: величине основной подкурганной ямы и собственно захоронении коня в деревянном «ящике». К. А. Михайлов подверг критике подход к выделению тех или иных комплексов XI–XII вв. как «камерных» только на основании одного признака — величины могильной ямы, назвав подобные объекты, известные в разных частях Восточной Европы, в том числе в Новгородской земле, «квази- или псевдокамерами» (Михайлов 2016: 91, 92). Такая критика представляется вполне обоснованной. Тем не менее собственно захоронение коня, по чертам обрядности существенно отличающееся от подобных, известных в курганных комплексах Юго-Восточного Приладожья, заставляет все же обратиться к материалам этого круга древностей.

К. А. Михайлов отмечал, что в качестве важной отличительной черты обряда погребения в камерах следует упомянуть захоронение лошадей вместе

с людьми. Всего среди древнерусских камер им был учтен 21 комплекс с захоронением коня, что составляет около 26 % от числа всех погребальных камер и около 37 % от числа всех мужских комплексов. Примечательно, что в трех случаях следы погребения человека отсутствовали, их исследователь посчитал возможным полагать кенотафами (Михайлов 2016: 61, 62). Погребения коней на боку с подогнутыми ногами К. А. Михайлов отнес к характерным признакам древнерусских погребальных камер (Михайлов 2016: 65).

Несомненно, отсутствие каких-либо артефактов в комплексе кургана № 4/2022, а также иных особенностей погребальной обрядности не позволяет уверенно атрибутировать его как относящегося к культурно-историческому феномену «камерных» погребений эпохи викингов. Отсутствие чего-либо не может служить доказательством. Тем не менее указанные ранее черты погребального обряда позволяют предположить, что открытый комплекс в кургане № 4/2022, может быть помещен в более широкий исторический контекст и отнесен к кругу «камерных» захоронений.

Ближайшим к «Бесовым Харчевням» «камерным» захоронением является погребение в большом кургане в могильнике Плакун, расположенном в Нижнем Поволховье (Назаренко 1985: 156, 162, 168). Это всего лишь в 45 км к северо-западу от комплекса памятников, в среднем течении р. Сясь у деревень Городище и Бесовка.

Итак, в могильной яме на погребальной площадке кургана № 4/2022 могильника «Бесовы Харчевни» был погребен верховой (следы стертости верхнечелюстных премоляров) взрослый (8 лет) конь — очень ценный атрибут, особенно для северных земель, который мог принадлежать человеку высокого социального статуса.

К. А. Михайлов отмечал, что почти все достоверные находки древнерусских погребений в камерах связаны с некрополями первых древнерусских городов и крупных торгово-ремесленных центров, ориентированных на международную торговлю. Так называемое Сяськое городище и группы памятников рядом с ним, несомненно, относятся к таким центрам. Поэтому, принимая во внимание всю совокупность данных, пусть фрагментарных и недостаточных для более определенных выводов, открытие в курганном могильнике «Бесовы Харчевни» «камерного» погребения или, по крайней мере, в ряде черт схожего с таковым вполне вероятно и ожидаемо.